

КОНТ И МИЛЛЬ: СПОР О МЕСТЕ ПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ НАУК

В статье излагаются взгляды Конта и Милля на психологию и ее место в системе наук. Рассматриваются методологический и онтологический аргументы Конта против психологии и контраргументы Милля.

Ключевые слова: психология, система наук, интроспекция, психический закон, Конт, Милль.

Огюст Конт, французский позитивист, в первой половине XIX в. без сожалений распрощался с метафизической психологией. Его аргументы против учения о душе представлялись сокрушительными, и в истории науки позитивизм вполне мог стать известен как «убийца психологии». Этого, однако, не произошло. Напротив, как указывают К. Браун и Дж. Барибо, впервые потенциал психологии как *фундаментальной* науки был распознан именно позитивистами [Braun, Varibeau, 1984]. И первым среди них, если не по важности, так по времени, был Джон Стюарт Милль. Его влияние на формирование новой, по сути *современной*, психологии сложно переоценить. Т. Лихи, например, открыто заявляет, что среди английских работ XIX в. для психологической науки самое большое значение имели труды Дж. Ст. Милля [Лихи, 2003]. А. Н. Ждан, отечественный историк психологии, говорит о Милле как об одном из ученых, благодаря усилиям которых произошло выделение психологии в самостоятельную науку [Ждан, 2006]. В статье рассматривается противостояние Конта и Милля, оказавшее прямое влияние на развитие психологической науки.

Аргументы Конта против психологии

Пожалуй, наиболее известная классификация наук XIX в., так или иначе повлиявшая на все последующие попытки система-

тизации человеческих знаний, была предложена французским философом, создателем позитивизма Огюстом Контом¹. В основу своей классификации он положил, по собственному выражению, *великий закон о полной интеллектуальной эволюции человечества* [Конт, 1994]. Согласно этому закону, человечество проходит в своем умственном развитии три стадии. Первая стадия – *теологическая* – характеризуется стремлением найти начальные причины всех вещей, под которыми часто понимаются сверхъестественные силы. Теологическое мышление, по сути, представляет собой свободное умозрительное преобладание воображения. На второй стадии – *метафизической* – человек также жаждет проникнуть во внутреннюю природу явлений, но, вместо того чтобы апеллировать к сверхъестественным факторам, он заменяет их абстрактными сущностями. На третьей стадии – *позитивной* – действует закон постоянного подчинения воображения наблюдению. На этой стадии человек отказывается от поиска начальных или конечных причин и сосредотачивается на исследовании законов, т. е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. Именно на этой стадии возникает наука, универсальным методом которой является наблюдение. Другими словами, наука имеет дело только с наблюдаемыми явлениями и носит описательный характер. Ученый не задается вопросом «почему?», он спрашивает «каким образом?». Наука оказывается несовместима

¹ Согласно ряду авторов, многие свои идеи, включая классификацию наук, Огюст Конт заимствовал, по крайней мере частично, у А. К. Сен-Симона, у которого он долгое время работал секретарем [Кедров, 1961; Шамурин, 1959]. Начало подобной точке зрения, по всей видимости, положил Ф. Энгельс.

с теологией, и классификация Конта – пожалуй, первая, в которой нет спрятанного под тем или иным именем богословия.

Основой классификации наук, предложенной Контом, стал *объективный принцип*. В отличие от Бэкона, который в основание своей системы человеческих знаний положил психические процессы, французский философ считал, что науки должны классифицироваться сообразно явлениям природы, которые они изучают. Последние же естественно расположить в порядке возрастания сложности. С точки зрения Конта, система наук должна иметь не только философское значение, но и *педагогическое*. Чем сложнее явление, тем труднее его изучать, а потому ряд наук должен начинаться с тех из них, которые изучают самые простые явления.

В итоге Конт предложил *линейный порядок наук*. Открывает его *математика*, которая подразделяется на абстрактную математику (исчисление) и конкретную (геометрия). Математические явления, с точки зрения Конта, являются наиболее простыми и отвлеченными, сами они не зависят от других явлений, но служат для них основанием. Далее идет *астрономия*, исследующая небесные тела. За ней следуют *физика* и *химия*. Далее идут две науки, изучающие явления органического мира. Это, во-первых, *биология*, предметом которой являются организмы, существующие благодаря протекаемым в них физическим и химическим явлениям, и характеризующиеся качественно особым родом жизненных явлений. И замыкает ряд наук *социология* (социальная физика), которая изучает сообщества живых существ, включая, разумеется, и человеческое общество. Этот линейный ряд из шести наук, соответствующий естественной иерархии явлений, – математика, астрономия, физика, химия, биология и социология, – представлен Огюстом Контом в его главном труде «Курс позитивной философии». Если идти по этому ряду сверху вниз, то возрастает сложность изучаемых явлений, если же идти снизу вверх, возрастает абстрактность. Мы уже упоминали о педагогическом значении этого ряда наук: именно в такой последовательности Конт читал свои лекции. Он полагал, что нельзя изучать науку, не изучив предварительно все предшествующие ей дисциплины. Так, прежде чем, например, заняться биологией, учащийся должен предварительно изучить математику,

астрономию, физику и химию. Возможно, в этой идее и есть здоровое зерно, но высказанная в подобной форме она граничит с абсурдом.

Что же случилось с психологией? Почему Конт не включил ее в ряд фундаментальных наук? На этот вопрос у Конта были, по крайней мере, два ответа.

Первое *принципиальное* возражение Конта против психологии связано с отрицанием ее основного метода, интроспекции. Вот что он пишет:

«Человек может наблюдать за внешним миром и также за некоторыми функциями своих органов, отличных от органа мысли. До некоторой степени он способен наблюдать самого себя, например, за тем, что он чувствует, поскольку церебральные органы [отделы мозга], от которых зависят чувства, отличны от органов, ответственных за наблюдение. Тем не менее со всей очевидностью невозможно наблюдать за своими собственными интеллектуальными процессами, поскольку в этом случае наблюдаемый и наблюдающий орган будут идентичны, кто же будет наблюдать?.. Чтобы это осуществить, человек должен разделить себя на двух индивидуумов – того, который мыслит, и того, который наблюдает за мыслями. Таким образом, человек не может *напрямую* наблюдать за своими интеллектуальными операциями; он лишь может наблюдать за своими органами и результатами их действий. Следовательно, *для психологии*, т. е. для прямого изучения души независимо от внешних условий, *нет места*» (курсив наш. – А. Ф.) (цит. по: [Bodenhafer, 1923. P. 20]).

Но на этом аргументы Конта против интроспекции не исчерпываются. Даже если бы интроспекция и была возможна, она накладывает серьезные ограничения на изучение психики, так как исключает из области исследований три важных вида явлений. Во-первых, с ее помощью невозможно исследовать патологические проявления психики, так как в этом случае мы не можем доверять результатам интроспекции. Во-вторых, вне области изучения оказываются психические процессы детей, поскольку способности детей к самонаблюдению весьма ограничены. В-третьих, интроспекция не позволяет исследовать животных. Поскольку этот аргумент направлен против

метода психологии, назовем его *методологическим*.

Второе *принципиальное* возражение Конта связано с тем, что одни психические явления не могут быть причинами других психических явлений. Иными словами, любое психическое явление всегда имеет физиологическую причину, но никогда – психическую, а потому и не может быть никаких особых психических законов. Поскольку этот аргумент направлен против независимости ментальных феноменов от физических, назовем его *онтологическим*.

Опираясь на эти возражения, Конт критикует и конкретные психологические теории. Он отмечает, что современная ему психология проникнута духом интеллектуализма, а потому практически игнорирует аффективную сторону внутренней жизни человека. Далее, психология оперирует понятиями, которые не отвечают требованиям науки (разумеется, в понимании, Конта). Например, центральные понятия психологии того времени – «душа», «сознание», «Я» – апеллируют к явлениям, которые нельзя наблюдать (даже и при помощи интроспекции). Оперирование этими понятиями, согласно Конту, соответствует не позитивной стадии интеллектуальной эволюции человека, а метафизической. Не удовлетворяет французского философа и то, что психологи проводят резкую границу между человеком и животными.

Таким образом, психологии, подчеркнем – психологии того времени, в классификации наук Конта места не нашлось. Психология, которая замыкалась исключительно на внутреннем мире человека и вырывала человека и его психику из мира природы, психология, которая изучала сущность бессмертной души, психология, которую Конт называл бесполезной фантазией и нелепостью, была отныне *обречена*.

Отрицая психологию, Конт, тем не менее, признавал реальность психического, а потому предлагал методы его изучения. Первый метод заключается в исследовании физиологических условий протекания психических процессов (по сути, наблюдение за деятельностью мозга). Этим должна была заниматься интеллектуальная и аффективная физиология, являющаяся частью биологии, которую Конт также называл френологией [Comte, 1838]. Особое значение Конт придавал трудам Ф. Галля и Дж. Шпурц-

гейма. Стоит отметить, что он не просто опирался на френологию, но пытался ее перестроить. Конт отмечал, что попытка Галля потерпела неудачу, поскольку не учитывала социальных явлений. Тут мы подходим ко второму методу, являющемуся одним из орудий социологии, – наблюдение *продуктов* психической жизни. С точки зрения Конта, изучение разума должно вестись при помощи комбинации обоих методов.

Подводя итог рассмотрению взглядов Конта, стоит отметить еще раз: он действительно считал, что психология – наука, опирающаяся на интроспекцию и исследующая законы душевной жизни, – невозможна. Но возможно научное изучение психической жизни, часть которого протекает в рамках биологии, часть – в рамках социологии. Это позволяет некоторым исследователям (например, Л. Леви-Брюлю) утверждать, что работы Конта сыграли важную роль в возникновении и развитии двух современных отделов психологической науки – физиологической психологии и социальной психологии [Bodenhafer, 1923]. Парадоксально, но, лишив психологию статуса науки, О. Конт дал ей возможность стать наукой в будущем.

Ответ Милля Конту

Почему же французский позитивизм отказал психологии в научном статусе, а английский, в лице Дж. Ст. Милля, стал прикладывать поистине титанические усилия для установления позитивного метода в науке о духе?

Наверное, не будет ошибкой, если мы скажем, что одной из причин этого являются различия в интеллектуальном климате Франции и Англии второй половины XVIII в. Огюст Конт – дитя *французского* Просвещения. Бесспорно, верно, что французские мыслители восприняли эмпиризм, пришедший на континент с Британских островов. Но это лишь гносеологический аспект их мировоззрения. В онтологическом же плане многие из них были материалистами. Это и Ламетри, утверждавший, что человек представляет собой не более чем сложную машину. Это и Дидро, тонко заметивший, что умный человек есть лишь сочетание безумнейших молекул. Это и Гольбах, и Кондильяк, и Кабанис... Все они без сомнений признают биологическую обусловленность

человеческой психики, полагая, что способность ощущать есть лишь у существ, обладающих нервной системой. В конечном счете человек отличается от животного лишь более совершенной организацией мозга и более совершенными социальными институтами. От этого тезиса лишь один небольшой шаг к отрицанию Контом психологии и его призыву изучать психическую жизнь в рамках биологии и социологии.

Иным был английский эмпиризм. Предельным его выражением стала идеалистическая философия Джорджа Беркли, знаменитое высказывание которого гласит: «*Esse est percipi*». Он абсолютизировал тезис Локка о том, что все наши знания проистекают из опыта. Согласно Беркли, воспринятый нами объект – это всего лишь сочетание различных ощущений, и нам доподлинно неизвестно, существует ли он как вещь. Реальны только *идеи* и *души* (*minds*). Первые – это воспринимаемые нами качества. Но поскольку существование идей заключается в том, что их кто-то воспринимает, значит,

эти «кто-то» существуют. Они, души, в отличие от идей активны и деятельны. При этом идеи (страсти и мысли, ощущения и желания) могут существовать только в душах, и если для идеи существовать означает восприниматься, то для души – воспринимать. Разумеется, что в подобной философской системе вопросы о физиологических основаниях психических явлений даже не могут ставиться. Другие английские эмпирики, например Локк или Юм, были менее радикальны, но и они, как указывает Робинсон, избегали теоретизировать по поводу материальных причин ощущений [Робинсон, 2005. С. 360]. Милль был верным последователем этих мыслителей. Классификация наук, в которой не нашлось места для науки, изучающей единственное, что нельзя поставить под сомнение, – *опыт*, не могла быть им принята. Поэтому в своей работе «Система логики силлогистической и индуктивной» (1843) Милль внес некоторые изменения в систему Конта [Mill, 1858]. Схематически их можно представить следующим образом:

Классификация наук Конта

	• Математика
НЕОРГАНИЧЕСКИЕ НАУКИ	{ • Астрономия • Физика • Химия
ОРГАНИЧЕСКИЕ НАУКИ	{ • Биология • Социология

Классификация наук Милля

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ	{ • Математика • Астрономия • Физика • Химия • Биология
.....	
НРАВСТВЕННЫЕ НАУКИ	{ • Психология • Этология • Социология

Как мы видим, изменений несколько. Во-первых, вместо деления наук на неорганические и органические (не считая математики, которая представляет особую дисциплину), принятого Контом, Милль предлагает выделять естественные (включая математику) и нравственные науки. Во-вторых, между двумя классами наук существует *принципиальный* разрыв, обусловленный различиями между физическими и ментальными явлениями. Естественные науки изучают Природу, нравственные науки – Разум (*Mind*) и Общество. Именно соединение нравственных наук в единое целое, отлич-

ное от целого естественных наук, Вундт считает одной из основных заслуг Милля в области классификации наук [Вундт, 2001]². У Конта между органическими и

² Укажем, что вместо терминов «нравственные науки» (*moral sciences*) и «науки о человеческой природе» (*sciences of human nature*), которые использует Милль, Вундт употребляет термин «науки о духе» (*Geisteswissenschaften*). В отечественной литературе им соответствует термин «гуманитарные науки» (науки, изучающие сознание человека и человеческое общество).

неорганическими науками нет подобных границ: и те, и другие представляют собой естественные дисциплины, изучающие материальные явления. Наконец, в-третьих, между биологией и социологией Милль помещает две новые науки: *психологию* и *этологию*.

Говоря о возможности существования наук о человеческой природе, в первую очередь психологии, Милль обращает наше внимание на следующее:

«Принято считать (или, по крайней мере, это подразумевается во многих оборотах обыденной речи), что мысли, чувства и действия разумных существ не являются предметом науки в том прямом смысле, в котором это верно относительно объектов физического мира. Подобная точка зрения, по всей видимости, связана с некоторым смещением понятий, с выяснения которого нам необходимо начать. Предметом науки могут быть сами по себе *любые явления*, которые следуют друг за другом согласно постоянным законам, пусть даже эти законы пока не открыты или вообще не могут быть открыты при помощи имеющихся в нашем распоряжении средств» (курсив наш. – А. Ф.) [Mill, 1858. P. 527].

Чтобы пояснить свою мысль, Милль предлагает рассмотреть метеорологические явления. Наука пока не способна точно или хотя бы с высокой степенью вероятности предсказать, когда пойдет дождь. Несмотря на это, мы не сомневаемся в том, что дождь – естественное явление, и в его основе лежат законы природы. Именно поэтому метеорология, пусть ее предсказания и носят вероятностный характер, является наукой. Иными словами, науки не обязательно должны быть точными. Психология принадлежит к дисциплинам такого рода. Она весьма далека от требований, например, астрономии, но это не мешает ей быть наукой и ведь и астрономия была наукой даже тогда, когда не могла точно вычислить влияние одного небесного тела на другое. Эта аналогия, однако, не должна внушать ложных надежд. Астрономия достигла поразительных успехов, но можем ли мы надеяться на подобный прогресс в психологической науке? Сможем ли мы когда-нибудь предсказывать мысли, чувства и действия людей столь же точно, как ныне астрономы

предсказывают движения небесных тел? Милль склоняется к отрицательному ответу. Во-первых, мы не способны предвидеть все обстоятельства, в которых может оказаться человек. Во-вторых, даже если бы эти обстоятельства были известны, точное предсказание все равно было бы невозможно, поскольку поведение человека обусловлено не только *существующей* ситуацией, но и его характером. Обстоятельства же, которые определяют характер человека, столь различны и многообразны, что в каждом конкретном случае его действия являются уникальными. Важно отметить, что Милль вовсе не отрицает того, что поведение человека обусловлено своими причинами, он лишь говорит о том, что невозможно знать все их, а потому мы никогда не сможем безошибочно предсказать действия конкретного человека.

Итак, психология может быть наукой, даже если не достигает степени точности естественных наук. Этого, однако, недостаточно, для того чтобы говорить о ней, как о самостоятельной дисциплине. Психология может претендовать на самостоятельность только в том случае, если у нее будут собственные законы. Вспомним, что онтологический аргумент Конта против психологии состоял в том, что любое психическое явление всегда имеет в своей основе физиологическую причину, а потому никаких собственно психических законов нет. Вот что на это отвечает Дж. Ст. Милль:

«Любое состояние сознания имеет своей непосредственной причиной либо другое состояние сознания, либо состояние тела. Если одно состояние сознания является следствием другого, то связывающий их закон есть закон сознания [law of Mind]. Если одно состояние сознания является прямым следствием состояния тела, то мы имеем дело с законом тела [law of Body], принадлежащим к области физических наук» [Mill, 1858. P. 530].

Как мы видим, Милль не отрицает того, что существуют психические явления, имеющие физиологические причины. Он признает, что почти все наши ощущения есть явления подобного рода, и изучать их должна физиология. Однако, говорит Милль, до сих пор нет согласия по поводу

того, лежат ли материальные механизмы в основе наших мыслей, желаний и чувств. У нас есть органы чувств, но есть ли у нас органы мышления? Милль совсем не уверен в том, что когда-либо мы сможем доказать это, а потому изучать ментальные феномены еще очень долго, если не всегда, будут при помощи прямого наблюдения за ними. Собственно, психология только тогда и может быть *отдельной* наукой, когда психические закономерности не выводятся из более общих законов. В соответствии с этим Милль и формулирует предмет психологической науки:

«Предметом психологии являются единообразия последовательности, т. е. законы (как конечные, так и производные), согласно которым одно психическое состояние идет за другим, вызывается другим или, по крайней мере, вынуждено за ним следовать» [Mill, 1858. P. 532].

Чтобы понять всю противоречивость позиции, которую занимает Милль, приведем слова, которые он говорит чуть ранее:

«Отношения между этой наукой [психологией] и физиологией не следует игнорировать или недооценивать. Ни в коем случае нельзя забывать, что психические законы могут быть производными законами от законов животной жизни и, следовательно, их истинность может в конечном счете зависеть от физических условий. Одним из важнейших разделов психологической науки является изучение влияния физиологических состояний на... психические последовательности» [Mill, 1858. P. 532].

Отказавшись занять определенную позицию относительно материальных оснований психики, Милль оказался в ловушке. С одной стороны, он утверждает, что психология изучает законы, связывающие одно психическое состояние с другим. Но он также признает, что существуют законы, связывающие телесные и психические состояния, и в растерянности относит их то к психологической науке, то к физиологической. Порывает ли он с монистической системой Конта? На наш взгляд, да. Порывает если не позитивно, то негативно, отказываясь признать, что *любое* психическое состояние имеет физиологическую причину. В действительности, Милль не разрешает сомнений

Конта по поводу автономности сознания, поскольку допускает незначительную вероятность того, что когда-либо мы сможем доказать этот тезис. Если это учесть, то окажется, что психология конституируется как наука вовсе не тем фактом, что существует психическая реальность, а тем, что у психологии есть собственный метод, которым не пользуются естественные науки. Это *интроспекция*. Но и на методологические возражения Конта Милль также не находит ответа. Более того, эти возражения уже в XX столетии были поддержаны английским философом Гилбертом Райлом [Райл, 1999]. Он утверждал, что интроспекция, наблюдение за процессами собственного сознания, не может существовать. Один из аргументов, которые выдвигает Райл, состоит в том, что признание интроспекции порождает «дурную бесконечность». Например, откуда я знаю, что занимаюсь интроспекцией? Если благодаря интроспекции, то для этого *одновременно* требуется три психических акта: изначального акта, который я интроспективно наблюдаю, интроспекции изначального акта и интроспекции акта интроспекции. Поскольку разумно признать, что есть предел подобной цепочке, наше знание о собственных психических процессах не всегда является интроспективным. А что если, спрашивает Райл, «оно всегда проистекает не из интроспекции, а из других источников» [Райл, 1999. С. 167]? Если аргументы Конта и Райла верны, то наиболее приемлемой формой психологии является анализ поведения (бихевиоризм).

Обсуждая то, на какие методы должна опираться психологическая наука, нужно также отметить, что Милль говорит о несомненной полезности применения в социальных науках, наряду с психологией и этологией входящих в совокупность нравственных наук, химического, физического и геометрического методов. С точки зрения Б. М. Кедрова, «уже одна такая постановка вопроса свидетельствует о стирании грани между общественными (и вообще гуманитарными) науками, с одной стороны, и естественными – с другой» [Кедров, 1961. С. 181].

Итак, в системе Милля связь психологии с физиологией весьма двусмысленна. Тем не менее аргументом в пользу самостоятельности психологии является существование тех

самых законов сознания. В качестве примера Милль приводит *законы ассоциации*. Во-первых, сходные идеи имеют тенденцию вызывать друг друга. Во-вторых, впечатления, которые часто переживались одновременно или последовательно, также имеют тенденцию вызывать друг друга. В-третьих, интенсивность впечатлений эквивалентна частоте их совпадения. Иными словами, более слабые впечатления должны чаще совпадать во времени, чем сильные, чтобы между ними образовалась связь.

Второй дисциплиной, с которой психология имеет непосредственную связь, является этология. Психология – эмпирическая наука, общностью законов которой ограничена. Этология же представляет собой *точную науку о человеческой природе*. Как же достигается точность этологических законов? Чтобы это понять, нужно отметить, что, с точки зрения Милля, есть два способа установления законов: эмпирический и дедуктивный. И если психология устанавливает свои законы при помощи наблюдения и экспериментов, то этология имеет дедуктивный характер. Ее законы выводятся умозрительно из законов психологии. Но все имеет свою цену. Точность этологической науки достигается тем, что ее суждения «лишь гипотетичны и утверждают тенденции, а не факты» [Mill, 1858. P. 543]. Примером этологического закона является суждение: «Существует тенденция, согласно которой трусость делает человека жестоким». Это вовсе не означает, что так происходит всегда, равно как опыт не всегда дает человеку мудрость.

Согласно Миллю, предметом этологии является характер человека. Ее задача состоит в том, чтобы изучать, какой тип характера формируется (в соответствии с элементарными законами сознания, которые устанавливает психология) в определенных физических и моральных условиях. При этом нам достаточно знать тенденции: одни условия способствуют достижению необходимого эффекта, другие – препятствуют. Очевидно, что подобная наука имеет самое непосредственное отношение к педагогике и самое отдаленное – к современной этологии.

* * *

Можно сказать, что XIX в. счел ответ Милля Конту убедительным. Ряд фундамен-

тальных наук, в котором между биологией и социологией находилась психология, со всей очевидностью доминировал в позитивистских схемах. Тем не менее XX в. начался с того, что против интроспекции снова было «заведено дело», а существование сознания поставлено под сомнение. Но XXI в. опять обратился к Миллю. В 2003 г. Грегг Энрикес, американский психолог, предложил систему древа знаний (Tree of Knowledge (ToK) system), в которой психология вновь, как и почти двести лет назад, помещается между биологией и социологией [Henriques, 2003]. А потому нам бы хотелось закончить статью открытым вопросом: *так кто же все-таки был прав, Кант или Милль?..*

Список литературы

Вундт В. Введение в философию. М.: ЧеРо; Добросвет, 2001.

Ждан А. Н. Развитие взглядов на предмет психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1. С. 2–22.

Кедров Б. М. Классификация наук. I. Энгельс и его предшественники. М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961.

Конт О. Дух позитивной философии // Тексты по истории социологии XIX–XX вв.: Хрестоматия / Сост. и отв. ред. В. И. Добренко, Л. П. Беленкова. М.: Наука, 1994. С. 6–28.

Лихи Т. Х. История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.

Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.

Робинсон Д. Н. Интеллектуальная история психологии / Пер. с англ. М. К. Тимофеевой. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации: В 2 т. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной Палаты, 1959. Т. 2.

Bodenhafer W. B. Comte and psychology // Papers and Proceedings of the American Sociological Society. 1923. Vol. 17. P. 15–26.

Braun C. M. J., Baribeau J. M. C. The Classification of Psychology Among the Sciences from Francis Bacon to Boniface Kedrov // The Journal of Mind and Behavior. 1984. Vol. 5 (3). P. 245–260.

Comte A. Cours de philosophie positive. P.: Bachelier, 1838. Т. 3.

Henriques G. The Tree of Knowledge System and the Theoretical Unification of Psychology // Review of General Psychology. 2003. Vol. 7 (2). P. 150–182.

Mill J. S. A System of Logic, Ratiocinative and Inductive. N. Y.: Harper & brothers, 1858.

Материал поступил в редколлегию 15.12.2008

A. A. Fedorov

**COMTE AND MILL:
A CONTROVERSY ABOUT THE POSITION OF PSYCHOLOGY
WITHIN THE SYSTEM OF THE SCIENCES**

Comte's and Mill's views on psychology and its position within the system of the sciences are stated in the paper. Comte's methodological and ontological arguments against psychology and Mill's counter-evidences are considered.

Keywords: psychology, system of the sciences, introspection, mental law, Comte, Mill.